

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА I

Глава I. 23 августа 1829 года.....	3
Глава II. Дитя.....	20
Глава III. Соккрытие тайны.....	25

КНИГА II

Глава I. Пятнадцать лет спустя.....	34
Глава II. Продажа Портдженнской Башни.....	49
Глава III. Невеста и жених.....	62

КНИГА III

Глава I. Тимон Лондонский.....	79
Глава II. Приедут ли они?.....	91
Глава III. Миссис Джазеф.....	96
Глава IV. Новая сиделка.....	106
Глава V. Совет трех.....	128
Глава VI. Еще одна странная весть.....	135

КНИГА IV

Глава I. Заговор против тайны.....	141
Глава II. Снаружи дома.....	157
Глава III. Внутри дома.....	171
Глава IV. Мистер Мондер в судейском кресле.....	186
Глава V. Моцарт играет прощальную арию.....	201

КНИГА V

Глава I. Старый друг и новый план	215
Глава II. Начало конца	221
Глава III. Приближаясь к пропасти	229
Глава IV. На краю пропасти	241
Глава V. Миртовая комната	250
Глава VI. Открытие тайны	265

КНИГА VI

Глава I. Дядя Джозеф	276
Глава II. Ожидание и надежда	291
Глава III. Рассказ о прошлом	305
Глава IV. Конец дня	321
Глава V. Сорок тысяч фунтов стерлингов	338
Глава VI. Рассвет новой жизни	347

КНИГА I

Глава I

23 августа 1829 года

- Интересно, переживет она эту ночь?
- Взгляни на часы, Мэттью.
- Десять минут первого. Пережила! Дождалась десяти минут нового дня.

Эти слова были произнесены на кухне большого сельского дома, на западном побережье Корнуолла. Собеседники были слугами капитана Тревертона, флотского офицера и представителя одной из старинных фамилий. Оба говорили шепотом, подсев поближе друг к другу, и выжидательно поглядывали на дверь.

— Ужас какой, — проговорил старший из них. — Сидим одни, в темноте, и считаем минуты, которые осталось жить нашей хозяйке.

— Роберт, — сказал другой еле слышно, — ты же служишь здесь с детства, слыхал когда-нибудь, что до замужества она была актрисой?

— А ты почему знаешь? — резко спросил старый слуга.

— Тише! — перебил другой, поспешно вставая со стула.

В коридоре прозвенел колокольчик.

— Нас, что ли? — спросил Мэттью.

— Все еще не знаешь по звуку, который звенит? — презрительно ответил Роберт. — Это колокольчик Сары Лисон. Выйди и посмотри.

Младший слуга послушался и встал, взяв свечку. Отворив кухонную дверь, он посмотрел на длинный ряд колокольчиков на противоположной стене. Над каждым из

них аккуратными черными литерами было написано имя слуги. Ряд начинался дворецким и экономкой, а заканчивался кухаркой и рассыльным.

Мэттью сразу заметил, что один из них был еще в движении, над ним было написано: Горничная хозяйки. Он быстро прошел по коридору и постучал в старомодную дубовую дверь. Не получив ответа, он открыл дверь и заглянул в комнату. Там было темно и пусто.

— Сары нет в кастелянской, — сказал он, вернувшись на кухню.

— Стало быть, она ушла в свою комнату, — ответил Роберт. — Иди наверх и скажи ей, что ее зовет хозяйка.

Колокольчик зазвонил снова, когда Мэттью выходил из кухни.

— Скорее! Скорее! — крикнул Роберт. — Скажи ей, чтобы поторопилась, что ее зовут! — А потом он тихонько прибавил: — Зовут и, может быть, в последний раз...

Мэттью поднялся на три лестничных пролета, прошел полпути по длинной арочной галерее и постучал в еще одну старомодную дубовую дверь. На этот раз ему ответили. Приятный и мягкий голос изнутри комнаты поинтересовался, кто пришел. В нескольких торопливых словах Мэттью рассказал о поручении. Не успел он договорить, дверь тихо и быстро отворилась, и на пороге перед ним предстала Сара Лисон со свечой в руке.

Невысокая, не очень красивая, не первой молодости, застенчивая и нерешительная в манерах, одетая крайне просто, горничная леди, несмотря на все эти недостатки, была женщиной, на которую невозможно было смотреть без любопытства, и даже интереса. При первом взгляде на нее немногие могли бы удержаться от желания узнать, кто она такая. И мало кто удовлетворился бы ответом: «Она горничная мистрис Тревертон». Немногие удержались бы от попытки прочесть на ее лице какую-то тайну, и, конечно, никто не усомнился бы, что эта женщина прошла че-

рез испытание каким-то великим страданием. В ее осанке, и еще более в ее лице, все как будто говорило жалобно и грустно: «Я обломок того, чем вы некогда могли бы любоваться. Обломок, который никогда не будет восстановлен, который обречен дрейфовать по жизни незамеченным, неуправляемым, неостановленным — дрейфовать до тех пор, пока не коснется рокового берега, и волны времени не поглотят его навсегда». Вот что можно было прочесть на лице Сары Лисон — и ничего более.

Едва ли найдутся два человека, согласные в мнениях насчет Сары, — до того трудно было решить, телесная или душевная мука сразила ее. Но какова бы ни была природа перенесенного ей несчастья, следы, оставленные им, были заметны явно и поразительно. Щеки Сары потеряли округлость и естественный цвет, подвижные, изящно очерченные ее губы болезненно побледнели; большие черные глаза с необыкновенно густыми ресницами, приобрели тревожный испуганный взгляд, который никогда не покидал их и который жалобно выражал болезненную остроту ее чувствительности и врожденную робость ее нрава. Впрочем, большинство страданий душевных и тяжелая болезнь оставляют на людях почти одинаковые следы. Единственная особенность неведомого недуга Сары состояла в противоестественной перемене цвета ее волос. Они были такими же густыми и мягкими, лежали так же изящно, как волосы молодой девушки, но стали седыми, как у старухи. Странно противоречили они всем признакам юности, присутствующим ее лицу. Несмотря на всю болезненность и бледность, глядя на нее, никто не мог бы сказать, что это лицо старухи. На бледных щеках не было ни морщинки. Глаза, пусть тревожные и робкие, искрились и светились — чего никогда не увидишь в глазах стариков. Кожа на висках была гладкая, как у ребенка. Никогда не обманывающие признаки свидетельствовали, что она все еще была в самом расцвете лет. Больная и убитая горем, она выглядела

как женщина, едва достигшая тридцати лет. Но седые волосы были просто не сочетаемы с ее лицом — она более бы походила сама на себя, будь они окрашены. В ее случае искусственное казалось бы правдой, потому что природное выглядело как фальшь.

Каким морозом побило эти роскошные кудри? Смертный недуг или смертное горе подернули их инеем? Этот вопрос часто волновал остальных слуг, пораженных странностью ее наружности, да еще ее привычкой разговаривать сама с собой. Однако как бы они ни желали, их любопытство всегда оставалось неудовлетворенным. Ничего больше не удалось им выяснить, кроме того, что Сара Лисон была, мягко говоря, чувствительна к разговорам о своих седых волосах. Хозяйка ее запретила всем, начиная с мужа, нарушать спокойствие служанки любопытными вопросами.

В то знаменательное утро двадцать третьего августа Сара на мгновение потеряла дар речи, стоя перед слугой, вызвавшим ее к смертному одру хозяйки, и пламя свечи ярко отразилось в ее больших испуганных черных глазах и пышных неестественно седых волосах. Мгновение она стояла молча; ее рука дрожала так, что подсвечник непрерывно дребезжал. Потом Сара опомнилась и поблагодарила слугу. Беспокойство, страх и торопливость, звучавшие в ее голосе, кажется, только добавили ему изящества, благородства и женственной сдержанности.

Мэттью, который, как и другие слуги, втайне не доверял и недолюбливал Сару, отличавшуюся от прочих горничных, был настолько покорен ее манерами и тоном, что предложил донести свечу до двери спальни ее хозяйки. Горничная покачала головой, поблагодарила его еще раз и быстро пошла по коридору.

Спальня умирающей мистрис Тревертон была этажом ниже. Сара в нерешимости остановилась перед дверью, но наконец постучалась, и дверь отворил капитан Тревертон.

Взглянув на своего господина, Сара отпрянула. Даже опасаясь удара, она вряд ли смогла бы отступить также быстро, и вряд ли ужас на ее лице мог быть более выразительным. Впрочем, в капитане Тревертоне не было ничего такого, что могло бы вызвать подозрение в жестоком обращении или даже грубости. С первого взгляда можно было смело сказать, что этот человек ласков, сердечен и откровенен. На глазах его блестели слезы, вызванные страданиями любимой жены.

— Входи, — сказал он отворачиваясь. — Она не хочет, чтобы приходила сиделка, ей нужна только ты. Позови меня, если доктор... — Голос его сорвался, и он поспешно вышел, не закончив фразу.

Вместо того чтобы войти в комнату госпожи, Сара Лисон обернулась и внимательно посмотрела вслед хозяину. Ее и без того бледные щеки стали смертельно белыми, в глазах застыл страх, сомнение и вопросительный ужас. Когда капитан скрылся за поворотом галереи, Сара прислушалась, стоя у дверей спальни, и боязливо прошептала: «Неужели она ему сказала?» Потом отворила дверь, постояла мгновение на пороге, с видимым усилием восставив самообладание, и вошла.

Спальня мистрис Тревертон — просторная комната — выходила окнами на западный фасад дома, и, стало быть, на море. Ночник, горевший у кровати, скорее подчеркивал тьму, сгущая ее в углах комнаты. Старинная кровать была завешана тяжелыми драпировками. В тусклом свете можно было разглядеть только самую большую мебель: шифоньеры, гардеробный шкаф, высокое трюмо, кресла с высокой спинкой и, наконец, бесформенную громаду кровати. Вся остальная обстановка была погружена во мрак. Через открытое окно — отворенное, чтобы впустить свежий воздух нового утра после сырости августовской ночи, — долетали в комнату монотонные, глухие и отдаленные всплески волн о песча-

ный берег. Всякий остальной шум смолк в этот первый час нового дня. Внутри комнаты слышно было только медленное, томительное дыхание умирающей женщины, доносившееся ужасно и отчетливо в его смертной хрупкости даже сквозь далекое громовое дыхание из лона вечного моря.

— Госпожа, — сказала Сара Лисон, подойдя к пологу кровати, но не одергивая его, — ваш супруг вышел из комнаты и оставил меня вместо себя.

— Свет! Больше света! — Смертельная слабость звучала в тоне, но вместе с ней и решимость, вдвойне заметная при сравнении с дрожащим голосом Сары. Сильная натура госпожи и слабый дух горничной проявлялись даже в этих немногих словах, произнесенных сквозь занавесь смертного ложа.

Сара дрожащей рукой зажгла две свечи, нерешительно поставила их на столик у кровати, переждала мгновение, с подозрительной робостью оглядываясь по сторонам, и потом приподняла полог.

Болезнь, от которой умирала мистрис Тревертон, была одним из самых страшных недугов, поражающих человеческий род, и преимущественно женщин: он подрывает жизнь, при этом не оставляя на лице больного признаков своего сокрушительного прогресса. Неопытный человек, взглянув на мистрис Тревертон в тот момент, как ее горничная откинула полог, вероятно, решил бы, что больная получила все облегчение, какое может только доставить человеческая наука. Следы болезни на ее лице и неизбежная перемена в изяществе и округлости его очертаний были едва заметны: так чудно сохранился его цвет, нежность и сияние девичьей красоты. На подушке покоилась голова, окаймленная богатым кружевом чепца и блестящими каштановыми волосами. Казалось, это лицо красивой женщины, выздоравливающей после легкой болезни или отдыхающей после переутомления. Даже Сара Лисон,

не отходившая от госпожи на протяжении всей болезни, глядя на свою хозяйку, с трудом верила, что врата жизни закрылись за ней и что манящая рука смерти уже машет ей из могилы.

Несколько книг в бумажных обложках с отпечатками собачьих зубов лежало на покрывале. Мистрис Тревертон жестом приказала убрать их. Это были театральные пьесы, в некоторых местах подчеркнутые чернилами, с примечаниями на полях и отметками о появлении персонажей. Слуги, обсуждавшие на кухне занятие госпожи до замужества, не были обмануты ложным слухом: капитан, пережив первую пору юности, действительно взял себе жену с подмостков провинциального театра через два года после ее дебюта. Старые пьесы составляли некогда всю ее драгоценную драматическую библиотеку, она сохранила к ним привязанность, и в последнее время болезни держала их рядом с собой.

Убрав книги, Сара вернулась к госпоже с выражением скорее ужаса и недоумения на лице, чем горя. Мистрис Тревертон подняла руку в знак того, что у нее есть еще одно распоряжение.

— Запри дверь, — сказала она все тем же слабым, но решительным голосом. — Запри дверь и не впускай никого, пока я не разрешу.

— Никого? — повторила робко Сара. — Даже доктора? Даже моего господина?

— Ни доктора, ни господина, — проговорила мистрис Тревертон, указывая на дверь. Рука ее была слаба, но даже в этом движении был приказ.

Сара заперла дверь, нерешительно вернулась к постели, и, испуганно глядя на хозяйку, вдруг наклонилась к ней и прошептала:

— Вы сказали моему господину?

— Нет. Я послала за ним с тем, чтобы сказать ему. Я изо всех сил пыталась произнести эти слова. Я столько

думала, как мне лучше сказать ему об этом. Я так люблю, так нежно люблю его!.. И я бы сказала ему, если бы он не заговорил о ребенке. Сара! Он только и говорил, что о ребенке. Это заставило меня замолчать.

Сара, забыв о своем положении, что могло показаться необычным даже в глазах самой снисходительной хозяйки, откинулась на стуле, закрыла лицо дрожащими руками и простонала:

— О, что будет! Что теперь будет!

Взгляд мистрис Тревертон смягчился, когда она говорила о любви к мужу. Несколько минут она лежала молча, но учащенное, тяжелое дыхание и болезненно сведенные брови свидетельствовали о сильном волнении. С трудом повернула она голову к креслу, на котором сидела ее горничная, и сказала еле слышным голосом:

— Подай мне лекарство.

Сара встала, повинувшись инстинкту послушания, и смахнула слезы, которые быстро катились по ее щекам.

— Вам нужен доктор! Позвольте, я позову доктора.

— Нет! Лекарство! Дай мне лекарство!

— Какую из бутылочек? С опиумом или...

— Нет. Не с опиумом. Другую.

Сара взяла со столика склянку и, внимательно посмотрев на написанное на этикетке указание, заметила, что еще не время принимать это лекарство.

— Дай его мне!

— Ради бога, не просите! Подождите, умоляю вас! Доктор сказал, что это лекарство хуже, чем дурман, ежели часто его принимать.

Ясные серые глаза мистрис Тревертон вспыхнули; яркий румянец окрасил ее щеки; властная рука с усилием поднялась с покрывала, на котором она лежала.

— Откупорь бутылочку и подай, — сказала она. — Мне нужны силы. Неважно, умру я через час или через неделю. Дай ее сюда.